

Алексей Власихин

ХРИСТИАНСКОЕ ОПРАВДАНИЕ МЕЩАНСТВА

У термина «мещанство» есть множество самых разных смысловых значений и способов употребления.

Этимологически слово происходит от польского «mieszczanin» — горожанин, в этом значении оно синонимично немецкому «бюргер» и французскому «буржуа» и содержит в себе схожие смысловые коннотации.

Википедия определяет мещанина как человека, «для которого характерны такие черты, как мелочность, скупость, отсутствие твёрдых убеждений, чувства ответственности перед обществом». Именно в этом негативном значении термин чаще всего используется в обыденной речи.

Ещё одно определение находим у Гессе: «Мещанство подразумевало спокойное следование большинству, для ведения средней умеренной жизни, оно пытается осесть посредине между крайностями, в умеренной и здоровой зоне, без яростных бурь и гроз».

Таким образом, «мещанство» выступает как антитеза «героическому», как стремление к тихой, спокойной, уютной

обывательской жизни. Мещанин предпочитает маленькие житейские радости и удовольствия великим подвигам и свершениям. Именно «антигероическое» определение мещанства и будет основным в данной статье.

Героическая риторика борьбы, преодоления, подвига занимает важное место как в российском обществе, так и в евангельских церквях. Одним из немногих консенсусных, общепризнанных праздников в России является 9 мая — День Победы, празднование которой полностью насыщено милитаристскими образами. Главные гражданские святыни нашего общества — памятники воинской славы, прославляющие героев-воинов. В евангельской среде негласными святыми выступают миссионеры, мученики за веру, а в последнее время ещё и пасторы мегацерквей — другими словами, те, кто преодолел трудности, сделал что-то героическое, необычайное. В США целая плеяда молодых евангельских лидеров — Дэвид Платт, Фрэнсис Чен, Шейн Клайборн — призывают к «радикальному христианству», отказу от комфортной обычной жизни в пользу миссионерского и/или социального служения¹.

Героическая образность оставляет в тени обычную, мирную жизнь: профессиональную деятельность, созидание семьи, маленькие житейские горести и радости

Казалось бы, образы героев выполняют только положительную роль, служа примером для подражания, вдохновляя на борьбу со злом, преодоление препятствий, побуждая нас к развитию, достижению целей.

Однако героическая образность оставляет в тени обычную, мирную жизнь: профессиональную деятельность, созидание семьи, маленькие житейские горести и радости. Из евангельских проповедей, книг, статей, фильмов создаётся впечатление,

Однако героическая образность оставляет в тени обычную, мирную жизнь: профессиональную деятельность, созидание семьи, маленькие житейские горести и радости. Из евангельских проповедей, книг, статей, фильмов создаётся впечатление,

¹ *Anderson M. Lee Here Come the Radicals! (Christianity Today March 15, 2013.) // URL: <http://www.christianitytoday.com/ct/2013/march/here-come-radicals.html>, 20.10.2016.*

что идеальный христианин — это или миссионер, или мученик за веру (лучше и то, и другое вместе), или пастор, в любом случае — человек, полностью посвятивший жизнь церковному или миссионерскому служению. Обычная, «профанная» профессиональная деятельность, как и рутинная семейная жизнь подсобственно рассматривается как призвание более низкого порядка. При этом очевидно, что жизнь подавляющего большинства прихожан не соответствует и никогда не сможет соответствовать описанному идеалу, что приводит к чувству вины и неполноценности, ощущению «второсортности» своей христианской жизни.

Другая проблема состоит в том, что героическая риторика тесно связана с военными метафорами: битва добра со злом, победа, жертвенность, что, в свою очередь, содержит в себе опасность категоричного «чёрно-белого» мышления, деления мира на своих и чужих. Милитаристское мышление естественным образом ведёт к авторитарному стилю руководства и зачастую способствует развитию закрытых, тоталитарных сообществ.

Изъяны, свойственные героическому мышлению, требуют его критического переосмысления и поиска более сбалансированных описаний христианской духовности.

Таким образом, целью данной статьи является оправдание, легитимизация обычной «негероической» христианской жизни с позиций богословия.

Понимание нашего вопроса требует изучения библейских и исторических причин доминирования героической риторики в христианстве. Затем мы обратимся к работам Джона Р. Р. Толкина и Дитриха Бонхёффера, двух авторов XX в., раскрывающих нам «негероическое» в христианстве. Их позиция позволяет по-новому увидеть тексты Священного Писания, говорящие об обычной жизни христианина.

Сразу следует подчеркнуть, что автор не ставит задачи умалить или обесценить героическое, подвижническое служение миссионеров, благовестников, мучеников за Христа, христиан, свидетельствующих о вере в условиях жесточайших гонений. Без них невозможно представить как Новый Завет, так и историю христианской церкви. Задача статьи — обратить внимание

на дисбаланс в пользу героического в изображении нормативной христианской жизни, дать ему оценку с позиций Священного Писания и христианской традиции.

Героическое мышление в христианстве

В Новом Завете легко увидеть основания христианского героизма. С самого начала история христианства — это история мучеников.

Сам Христос в качестве необходимого условия ученичества призывает взять свой крест и следовать за Ним (Мф 10:38). Апостол Павел говорит о Спасителе, который был послушен Отцу до смерти на Кресте, как примере для всех христиан (Флп 2:5–12). Павел, описывая христианскую жизнь, использует как военные (2 Тим 2:3), так и спортивные образы (1 Кор 9:24–27). Мы призваны к «подвигу веры» (1 Тим 6:12, см. также Флп 1:30, 1 Фес 2:2). В Царстве Божьем нет места отступникам (2 Тим 2:12), «боязливым и неверным» (Откр 21:8), а только «победителям» (Откр 21:7).

Важной особенностью раннего христианства было ожидание скорого пришествия Христа. Апокалиптические настроения приводили к мобилизационным настроениям. Христиане в Иерусалиме отказывались от своих имен и жили единой общиной (Деян 4:32–37). Павел ставит под сомнение целесообразность вступления в брак, чтобы не отвлекаться от служения Господу (1 Кор 7:8, 26–27, 29–35).

К сожалению, гонения на Церковь не ограничились первым столетием. Первые три века своей истории христиане пережили гонения разной продолжительности и интенсивности. Несколько поколений христиан были воспитаны на историях о людях, не пожалевших своего благополучия, комфорта, семейного счастья и даже самой жизни ради Христа. Христианская литература того периода показывает, что Церковь стала воспринимать мученичество как идеал, как образец для подражания, как подлинное христианство².

² *Поснов М.Э.* История христианской церкви. — Брюссель: Жизнь с Богом. 1964. С. 85.

Когда гонения закончились, образ христианина-мученика всё равно сохранил свою нормативность. Однако теперь, при отсутствии внешних гонений, страдания стали носить добровольный характер³. Так, подражание мученикам стало одной из причин зарождения и развития христианского монашества и аскезы.

Монашество с самого начала обращалось к военно-героической риторике. Монах совершает подвиг, находится в состоянии духовной брани, приносит в жертву свою обычную жизнь, полностью подчиняясь духовной дисциплине. Общежительное монашество с системой жёсткого подчинения младших старшим ещё больше уподоблялось армии. Не случайно одним из основателей общежительного монашества стал бывший римский солдат Пахомий Великий.

Важно отметить, что для подавляющего большинства христианских лидеров позднеантичного и средневекового периода монашество представляется высшей формой христианской жизни, в то время как обычная, семейная жизнь — это компромисс, уступка человеческой слабости⁴.

Кризис монашеского идеала в средневековой Европе напрямую связан с ростом городов. Именно в западноевропейских городах рождается новая социальная группа, получившая название «третье сословие»: купцы, ремесленники, университетские преподаватели и студенты — другими словами, «бюргеры», горожане. Благодаря их трудолюбию и деловой хватке, города стали центрами экономического развития и основным источником богатства средневековых государств. Однако, согласно учению католической Церкви, бюргеры, по сути содержавшие церковь, оставались людьми меньшего достоинства, чем монахи, добродетели которых многими уже ставились под сомнение⁵.

³ Лурье В. М. Призвание Авраама. Идея монашества и ее воплощение в Египте. — СПб.: Алетейя. 2000. С. 32.

⁴ Там же. С. 24–29; Сидоров А. И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. — М.: Православный паломник. 1998. С. 166–172.

⁵ Гофф Ле Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: ИГ «Прогресс», Прогресс-Академия, 1992. С. 244.

Закономерно, что стремление горожан занять достойное место в церкви стало одной из причин Реформации.

Мартин Лютер, Жан Кальвин и другие лидеры протестантизма делали особый акцент на равном достоинстве перед Богом всех верующих. Слова Лютера о том, что «у сапожника, кузнеца, крестьянина и у каждого есть своё ремесло, должность и дело, и всё же все они в одинаковой мере являются посвящёнными священниками и епископами»⁶ — стали одним из символов Реформации. Отцы Реформации совершают «воцерковление» обычной жизни, уравнивая светское призвание христианина и церковное служение⁷. Образцовый христианин для них — это не монах, и даже не церковный служитель, а добродетельный трудолюбивый бюргер, хороший семьянин. Впоследствии, в учении пуритан благочестивая семейная жизнь называется одним из важнейших аспектов христианского служения⁸. Таким образом, в процессе Реформации происходит «дегероизация» христианского идеала. Эта тенденция оказалась неустойчивой.

Уже в евангельском движении, развивающемся внутри протестантизма с конца XVII в., происходит возврат к героической риторике. На место скромному бюргеру приходит миссионер-

романтик. Благо, что расцвет протестантских миссий в XIX в. оставил огромное количество примеров для подражания. Образцовый миссионер удачно сочетает в себе путешественника-первооткрывателя и мученика: он несёт свет Евангелия далеким языческим народам, не взирая на трудности и смертельные опасности.

Проповедь «рождения свыше» и вера в необходимость

Образцовый христианин — это не монах, и даже не церковный служитель, а добродетельный трудолюбивый бюргер, хороший семьянин

⁶ *Мартин Лютер. Избранные произведения.* — СПб.: Андреев и согласие. 1994. С. 60.

⁷ *Althaus P. The Ethics of Martin Luther.* Philadelphia: Fortress Press. 1972. P. 39.

⁸ *The Cambridge companion to Puritanism.* Ed. by John Coffey, Paul C. H. Lim. P. 293.

пробуждений способствовали повышенному интересу к драматическо-сверхъестественной стороне христианства. Основными событиями церковной жизни становятся массовые евангелизационные собрания с участием харизматичных проповедников, которые привлекают к себе основное внимание аудитории. Безусловно, никто не учил, что все христиане должны стать разъезжими проповедниками и миссионерами. Важно, что истории о великих пробуждениях и миссионерах осознанно и неосознанно формировали идеальный образ христианина. С небольшими корректировками этот идеал сохранился и в современном евангеличестве, получив неожиданную поддержку в неконформизме современной молодёжной культуры и в волонтёрском активизме.

Для российского христианства героическая риторика ещё более характерна, чем для западноевропейского. Зарождение и развитие православия на Руси тесно связано с монашеством, поэтому в сознании русского человека христианство ассоциируется с аскезой. В народных сектантских движениях аскетические практики принимали ещё более радикальный характер, чем в официальной Церкви.

Многие представители русской религиозной философии XIX – начала XX веков были известны своими «антимещанскими» высказываниями. Константин Леонтьев считал главной опасностью для России и других православных стран либерализм с его «омещаниванием» быта и культом всеобщего благополучия. Николай Бердяев посвятил свою статью «О буржуазной духовности» бичеванию европейских буржуа за чрезмерную посяторонность, неприятие «глубокого трагизма жизни»⁹. Интересно, что он же в работе «Истоки и смысл русского коммунизма»¹⁰ выводит генеалогию русских революционеров из православного аскетизма.

Евангельское христианство в России со времени своего основания до 90-х годов XX века существовало в условиях

⁹ «Путь», № 3. Март-апрель. Париж, 1926. С. 3–13.

¹⁰ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990.

постоянных гонений, поэтому естественными героями движения становились мученики за веру.

Когда же в начале 90-х годов появилась возможность открытой евангельской проповеди, огромный интерес к христианству среди жителей постсоветской России в совокупности с пророческой уверенностью известных проповедников создали среди российских верующих атмосферу ожидания массового прихода новообращённых в евангельские церкви. В таком контексте слова Христа о том, что «жатвы много, а делателей мало» (см. Мф 9:27), истолковывались как призыв к мобилизационному типу христианства, где полновременному церковному (или парацерковному) служению должен быть отдан однозначный приоритет над светской карьерой.

Итак, мы видим, что на протяжении большей части истории христианства в качестве идеала христианской жизни доминировал образ героя-подвижника, формирующийся под влиянием как текстов Священного Писания, так и исторических обстоятельств.

Христианский «антигероизм» в XX в.: Джон Рональд Руэл Толкин и Дитрих Бонхёффер

В XX в. выделяются два крупных христианских мыслителя, в работах которых мы обнаруживаем переосмысление героического идеала: Джон Р. Р. Толкин и Дитрих Бонхёффер.

• Джон Р. Р. Толкин.

Джон Толкин известен, прежде всего, как создатель фэнтезийных повестей «Хоббит, или Туда и обратно» и «Властелин колец».

Важно обратить внимание на историко-политический контекст, в котором создавались произведения Толкина. «Хоббит» был издан в 1937 году, работа над «Властелином колец» была начата в 1937, закончена в 1948, опубликована повесть в 1954—1955 годах. Именно в этот период возникли и достигли своего апогея два крупнейших тоталитарных режима XX в.: сталинский

Советский Союз и нацистская Германия. Оба режима были подчёркнуто «героическими». Воспеваются культ героя, война. Жизнь представляется как война за правое дело, как подвиг и жертва ради Великой Цели: всемирного господства арийской расы в одном случае, победы мировой пролетарской революции — в другом. Стремление к мирной, обыденной и спокойной жизни высмеивается и отвергается как несоответствующее «воинственному духу» немецкого народа, или как проявление мелкобуржуазного мещанства. Закономерным итогом правления обоих режимов стали миллионы жизней, отданных и принесённых в жертву пропагандистским идеалам. Сам Джон Толкин знал о войне не понаслышке. Он участвовал в сражениях Первой мировой войны и был свидетелем ужасов Второй мировой, что, конечно, повлияло на характер его произведений.

Центральными персонажами его повестей выступают существа под названием «хоббиты», которые почти противоположны классическим героям эпосов и романов. Хоббиты — это невысокие, миролюбивые человечки. Они известны своей любовью к хорошей еде, большим семьям, уютным жилищам. Хоббиты никогда не отличались воинственностью, даже вызвать гнев у них было непросто. Самое любимое дело и страсть хоббитов — земледелие и садоводство. Они не терпят перемен в жизни и, в особенности, путешествий, «еще, чего доброго, пообедать из-за них опоздаешь»¹¹.

Однако в самый судьбоносный момент фэнтезийной вселенной Толкина именно хоббиты оказываются способны исполнить важнейшую миссию — уничтожить Кольцо Всевластия, символизирующее, по мысли автора, стремление к власти как таковой¹². Что же делает хоббитов наиболее способными для выполнения такого задания? Ведь рядом с ними есть более подходящие персонажи: мудрые маги, могучие витязи

¹¹ Толкин Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно (пер. Н. Рахмановой). // Глава 1. Нежданные гости. — М.: Детская литература, 1976.

¹² Карпентер Х., Толкин Дж. Р. Р. Письма. // Письмо 131. К Мильтону Уолдману. — М.: Эксмо, 2004.

благородных кровей, бессмертные эльфы. Но самые достойные из них понимают, что им не справиться с искушением всевластия. Раз захотев использовать обретенное могущество во благо, они уже не смогут остановиться и будут полностью поглощены ощущением своей власти. Только маленькие, неприятные, скромные хоббиты способны выпустить из своей руки роковое Кольцо. Они никогда не хотели власти, не хотели переделать мир, не хотели несметных богатств. Им было достаточно хорошего урожая в огороде и скромного веселья с друзьями. Классический сказочный или эпический герой — воитель, побеждающий врагов благодаря своей особенной силе или сверхъестественным способностям. Толкин же, будучи убежденным христианином, делает героями персонажей, главной добродетелью которых является смирение. Вполне в духе библейских повествований — малое и незначительное в глазах людей оказывается важным и значимым в глазах Бога, а победа достигается не силой меча, но благодаря жертвенной любви и дружеской верности. Как пронцательно говорит один из героев «Властелина колец»: «Слабые не раз преображали мир, мужественно и честно выполняя свой долг, когда у сильных не хватало сил»¹³.

Именно некая простота, приземленность, «посюсторонность» хоббитов делает их устойчивыми к искушению всевластием, даёт им силы встать и идти дальше. Во «Властелине колец» двум хоббитам — Фродо, несущему Кольцо, и Сэму, его помощнику и другу, — досталась самая ответственная часть в спасении своего мира. На первый взгляд, главным героем истории является Фродо, однако у самого Толкина есть указания, что он видел таковым Сэма¹⁴. Причина особенной роли последнего в том, что он выражает хоббитский дух как никто другой. Сэму не нужна слава и честь победителя,

¹³ Толкин Дж. Р. Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец» (пер. Муравьева В. и Кистяковского А.). // Книга II. Глава II. Совет. — М.: Радуга, 1989.

¹⁴ Карпентер Х., Толкин Дж. Р. Р. Письма. // Письмо 131. К Мильтону Уолдману.

он хочет вернуться домой, отоспаться и поработать в своём саду. «Мне ведь на самом-то деле только этого и надо, а геройствовать да богатырствовать — это пусть другие»¹⁵. Ещё он мечтает жениться на девушке Розе, завести деток, наслаждаться тихой семейной жизнью. Толкин отмечает, что его простая «деревенская» любовь к Розе «абсолютно необходима для постижения его (главного героя) характера и для темы взаимоотношения жизни обыденной (в которой мы дышим, едим, трудимся, зачинаем детей) и квестов, самопожертвования, великих дел, «тоски по эльфам» и чистой красоты»¹⁶. Сэм готов на путешествие ради любопытства, готов на подвиги ради друзей и дома, способен на благоговейный трепет при соприкосновении с тайной. Но всё это — чтобы потом вернуться домой, обнять семью и друзей, вырастить новый урожай. Сэм — садовник, а не воин, война для него — крайняя, вынужденная мера, слава доставляет ему чувство неловкости. Питер Джексон в своей киноадаптации «Властелина колец» очень хорошо выразил главное упование хоббитов в диалоге Сэма и Фродо у подножия Ородруина, когда их силы были на исходе. Чтобы подбодрить друга, Сэм напоминает Фродо, что скоро в их родном крае настанет весна, засеются поля, расцветут сады и в огороде поспеет первая земляника. Как может какое-то Кольцо Всевластия помешать хоббиту вернуться к своей любимой землянике!

Безусловно, хоббиты не смогли бы справиться со своей миссией без дальновидности эльфов, мудрости магов, доблести воинов. Как резюмирует свою мысль сам Джон Толкин: «Без возвышенного и благородного простое и вульгарное непередаваемо гнушно; без простого и обыденного благородная героика бессмысленна»¹⁷. Мир не состоит только из простецов и не держится только на них.

¹⁵ Толкин Дж. Р. Р. Две Твердыни: Летопись вторая из эпопеи «Властелин Колец» (пер. В. Муравьева). // Книга IV. Глава VIII. Близ Кирит-Унгола. — М.: Радуга, 1991.

¹⁶ Карпентер Х., Толкин Дж. Р. Р. Письма. // Письмо 131. К Мильтону Уолдману.

¹⁷ Там же.

Сам Толкин всегда противился попыткам увидеть в его произведениях какие-то параллели с актуальными политическими реалиями, но трудно не заметить, как радикально выглядят маленькие, негероические хоббиты, эдакие типичные средне-английские обыватели, на фоне марширующих героев Третьего Рейха и сталинского Советского Союза. Наблюдая подъём и разрушительнейшие последствия Великих Проектов первой половины XX в., Джон Толкин предлагает увидеть надежду для европейской культуры прежде всего не в новых воинах и мудрецах, а в скромных, обычных людях, предпочитающих великим свершениям незаметный созидательный труд.

• Дитрих Бонхёффер.

Дитрих Бонхёффер — во всех смыслах фигура героическая. Знаменитый лютеранский пастор и богослов, один из основателей Исповедующей Церкви, участник антигитлеровского сопротивления, казнённый за участие в заговоре против Гитлера 9 апреля 1945 года. Признан многими как один из ярких примеров христианского подвижничества и мученичества в XX в. Широко известна его книга «Хождение вслед», где он выступает против «дешёвой благодати», которой мы можем оправдывать свою духовную лень, призывая к радикальному следованию за Христом.

Тем удивительнее встретить в его работах антигероическую риторику.

В одном из писем, отправленных другу из тюрьмы, где он находился в последние годы перед казнью, Бонхёффер говорит, что начал писать художественное произведение с целью реабилитации бюргерства с позиций христианства: «Дети двух сблизившихся семей в одном небольшом городке мало-помалу вступают в возраст ответственных задач и обязанностей и со-обща пытаются содействовать общественному благу на постах бургомистра, учителя, пастора, врача, инженера»¹⁸. Бонхёффер очень хорошо понимал природу нацистского режима, знал о его

¹⁸ Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. // Письма другу. От 18.11.43. — М.: Прогресс, 1994.

преступлениях, сам был вовлечён в заговор против Гитлера, но, находясь в тюрьме, пишет повесть не о пламенных борцах и мучениках, а об обычных людях. Именно этих обычных людей, которые в своей повседневной жизни и мирской работе без громких подвигов стремятся служить обществу, Бонхёффер считает достойными примерами для подражания. К сожалению, ему не удалось завершить свою повесть, но другие работы немецкого богослова позволяют наблюдать развитие его идей.

В своей книге «Хождение вслед» Дитрих Бонхёффер указывает на интересный парадокс христианского ученичества: тот, кто истинно следует за Христом, становится заметен, но в то же время Евангелие говорит о сокровенном характере христианской духовности. Как и в случае с Толкиным, важно помнить о контексте, в котором развивалось богословие Бонхёффера: «В то время как нацистские пропагандисты устраивали грандиозные публичные шествия и воздвигали монументы во славу Германии, Бонхёффер подчеркивал сокровенность христианского ученичества... В то время как нацизм возвеличивал великие достижения и подвиги, щедро осыпая наградами и медалями атлетов и смельчаков, Бонхёффер описывал христианское ученичество в подчеркнуто антигероических терминах»¹⁹.

Бонхёффер, находясь в тюрьме, пишет повесть не о пламенных борцах и мучениках, а об обычных людях

Христианское учение о благодати утверждает, что наше спасение всецело основано на деяниях Христа. А так как, по Бонхёфферу, спасение включает следование за Христом, то само наше ученичество — это дар Божий, поэтому «ни ученику, ни его убеждённому христианству не достаётся никаких похвал»²⁰.

¹⁹ Hook B.S. and Reno R.R. "Heroism and the Christian Life: Reclaiming Excellence". (Westminster John Knox Press, 2000.) P. 196.

²⁰ Бонхёффер Д. Хождение вслед. — М.: Российский государственный гуманитарный университет. 2002. С. 26.

Сложность в том, что последовательный ученик Христа обязательно становится заметен в силу сверхнормальности подлинно христианского образа жизни. В связи с этим Бонхёффер предупреждает об опасности увлечённости самим процессом ученичества, своими достижениями на пути следования за Христом²¹. Христианская жизнь носит явный и скрытый характер одновременно. Плоды веры христианина будут явны для окружающих, но должны быть скрыты для него самого. Подлинный ученик Христа, парадоксальным образом, не увлечён своим ученичеством, «скрытость его собственной жизни от него самого — вот в чём его обетование и надежда»²². Он взирает только на Начальника и Совершителя своей веры, осознавая, что всё его послушание есть благодать Божья. Уже в последних письмах из тюрьмы, суммируя путь своих духовных исканий, Бонхёффер пишет о «глубокой посюсторонности христианства»: «Когда, наконец, раз и навсегда откажешься от претензий сделаться «чем-то» — будь то претензия стать святым или грешником, обратившимся на путь истинный, или церковным деятелем, праведником или нечестивцем, больным или здоровым, — а ведь это я и называю посюсторонностью — жить в гуще задач, вопросов, успехов, неудач, жить, копя опыт и поминутно убеждаясь в своей беспомощности, — вот тогда-то и очутишься всецело в руке Божией, тогда ощутишь по-настоящему не только свою боль, но боль и страдание Бога в мире, тогда вместе со Христом будешь бодрствовать в Гефсимании, и я думаю, что это и есть вера, это и есть «метанойя»»²³. Обычная, непритязательная жизнь с её горестями и радостями — именно то место, где происходит наше отождествление со Христом.

²¹ Там же, С. 102. «Призыв к чрезвычайному — большая, неустранимая опасность в хождении вслед. Поэтому: следите за этим чрезвычайным, за этой зримостью хождения вслед. Необдуманному, безраздельному, прямолинейному восторгу о зримости хождения вслед Иисус противопоставляет своё предостережение. Чрезвычайному дано жало в плоть. Иисус зовёт к рефлексии».

²² Там же, С. 104.

²³ *Бонхёффер Д.* Соппротивление и покорность. // Письма другу. От 21.7.44.

Бонхёффер указывает ещё на одну возможную опасность для христианского ученичества. Воодушевлённые изменениями в своей жизни, христиане могут попытаться построить Царство Божье на земле, разрушая сложившийся миропорядок и утверждая для всех новые «христианские» принципы. В этом случае Бонхёффер напоминает о том, что христианство — не наш проект, его успех основывается не на наших достоинствах, а на Божьих обетованиях. Наша часть состоит в доверии и послушании Слову Божьему: «не в этическом ригоризме, не в эксцентричном стиле христианской жизни, но в простоте христианского послушания воле Иисуса»²⁴. Свидетельство христианина основано на Слове Божьем и им же ограничивается, «ученики не в силах и не вправе принуждать к чему-нибудь вопреки слову и помимо слова, ... нет речи о фанатичном внедрении великой идеи или «правого дела»»²⁵. Бонхёффер всячески подчеркивает, что и Церковь не является нашим проектом. Более того, когда в основание церковного строительства мы полагаем наши «мечты», наши представления об идеальной Церкви, это имеет разрушительные последствия. Основанием христианского общения являются не наши идеи, симпатии и антипатии, а только тот факт, что мы соединены через жертву Христа. Таким образом, Бонхёффер утверждает данность христианского общения: как Христос принял нас, так и мы должны принимать друг друга²⁶. Бонхёффер отказывается измерять христианское служение в категориях эффективности, главное в жизни — человеческие отношения. Добрые отношения, стремление приносить пользу людям, и есть служение Богу²⁷.

Итак, подлинно христианская жизнь, по Бонхёфферу, не состоит в борьбе или подвигах, а заключается в простом послушании Слову в обычных повседневных ситуациях, в человеческих отношениях. Она не носит какой-то подчёркнуто религиозный

²⁴ Бонхёффер Д. Хожение вслед. С. 99.

²⁵ Там же, С. 140.

²⁶ Бонхёффер Д. Жить вместе. — М.: Триада. 2000, С. 21.

²⁷ Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. // Письма другу. От 14.8.44.

характер, «не homo religiosus, а человек, просто человек — вот что такое христианин»²⁸. Немецкий богослов выступает за «глубокую посюсторонность», которая «крепко стоит на ногах и, хотя и знает о смерти и воскресении, никогда не отрывается от земной действительности»²⁹.

И Джон Толкин и Дитрих Бонхёффер, наблюдая культ героев в тоталитарных режимах, отказываются давать ответ в тех же категориях, создавая образ «доброго» героя, может ещё более сильного и доблестного. Риторика героического, борьбы, подвига очень легко рождает чувство исключительности, веру в свою окончательную правоту. Сама борьба перестаёт быть средством, а становится самоцелью. С помощью художественных образов, в случае Толкина, или через богословские утверждения, в случае Бонхёффера, оба автора противопоставляют героической суровости радости обычной жизни, а утопическим авторитарным проектам — умение с благодарностью принимать дар жизни.

Основания для «негероического» христианства в Священном Писании

Антигероическая риторика Толкина и Бонхёффера позволяет нам по-новому взглянуть на некоторые недооценённые тексты Священного Писания. Как уже было отмечено выше, в Библии легко найти примеры героического. Однако, в Писании мы обнаруживаем основания и для обычной, негероической жизни.

Большая часть текстов, призывающих к подвижнической жизни содержится в Новом Завете. Этот факт можно по-разному объяснять. Но одна из причин состоит в особых условиях, при которых создавались новозаветные писания. Прежде всего — это само Боговоплощение. Несколько лет служения Иисуса Христа на земле были уникальным, беспрецедентным событием. Нахождение рядом Сына Божия требовало от учеников полного

²⁸ *Бонхёффер Д.* Сопротивление и покорность. // Письма другу. От 21.7.44.

²⁹ Там же.

исключения из обычной жизни, полного посвящения, буквального следования за Христом. Другое особое обстоятельство — ожидание скорого суда над Израилем, разрушение Иерусалима, предсказанное Спасителем. В представлении первых христиан, судя по всему, эти события также связывались со Вторым пришествием Христа (Мк 13, Мф 24). Апокалиптические ожидания также поощряли мобилизационное мышление.

Традиционно многие толкователи исходили из того, что воплощение, жизнь, смерть и воскресение Христа положили начало новой эсхатологической эпохе, навсегда изменив порядок вещей, поэтому пример первых христиан, их напряжённое ожидание скорого Суда и наступления Царства Божия имеют для нас нормативный характер.

С другой стороны, ожидание спасения от Господа — не уникально новозаветный мотив. На протяжении всего библейского повествования, начиная с падения Адама и Евы, мы видим, что люди нуждались в помощи от Бога, и читаем о Божьих обетованиях избавления. Другими словами, народ Божий большую часть своей истории был призван жить в ожидании Божьего Суда и Спасения. А вот характер и способ этого ожидания могли отличаться в зависимости от того положения, в котором находились евреи. К примеру, в Пасхальную ночь евреям было сказано есть в полной готовности, с препоясанными чреслами, чтобы быть готовыми к Исходу (Исх 12:11). Были ситуации, когда единственным ответом на пророческое слово было покаянное ожидание Суда (Иер 4:8), или когда нужно было готовиться и очищаться, потому что время избавления из плена уже наступает (Ис 52:11).

Были же ситуации, когда пророки возвещавшие скорое освобождение оказывались лжепророками, внушавшими ложные надежды (Иер 28), а народу Божьему предписывалась мирная созидательная жизнь:

Нормальная жизнь христианина — тихая и безмятежная. Такова воля Бога, и об этом молится Церковь!

«⁴ Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев, всем пленникам, которых Я переселил из Иерусалима в Вавилон: ⁵ стройте дома и живите [в них], и разводите сады и ешьте плоды их; ⁶ берите жен и рождайте сыновей и дочерей; и сыновьям своим берите жен и дочерей своих отдавайте в замужество, чтобы они рождали сыновей и дочерей, и размножайтесь там, а не умаляйтесь; ⁷ и заботьтесь о благосостоянии города, в который Я переселил вас, и молитесь за него Господу; ибо при благосостоянии его и вам будет мир».

(Иер 29:4–7)

Этот текст обращает на себя особое внимание, так как евреям говорится о мирной жизни в Вавилоне — городе, олицетворяющем в Библии безбожную языческую власть. Более того, пророчество призывает евреев делать всё необходимое для процветания этого города.

Таким образом, в некоторых случаях ожидание означало для Божьего народа собранность вполне в духе военного времени, а иногда плодотворную созидательную жизнь во благо общества и во свидетельство окружающим народам.

Если ветхозаветные истории даны как примеры в наставление нам (1 Кор 10:11), то можно ожидать, что и в истории Церкви периоды суровых гонений и испытаний будут сменяться периодами относительно мирной жизни и стабильности, что мы и наблюдаем в истории христианства. Это означает, что и характер эсхатологических ожиданий будет различаться в зависимости от того, в каких условиях находится та или иная христианская община, или даже отдельный верующий: есть время, когда нужно готовиться к исходу, и есть время, когда нужно строить дома и разводить сады. Возвращаясь к примеру новозаветной Церкви, можно утверждать, что сам пример постоянного ожидания первыми

В некоторых случаях для Божьего народа ожидание означало плодотворную созидательную жизнь во благо общества и во свидетельство окружающим народам

христианами возвращения Христа имеет нормативную силу для нас, но характер ожидания может отличаться в зависимости от того, в какой исторической ситуации мы находимся.

Следует обратить внимание, что и в Новом Завете мы находим примеры «негероического» христианства.

Сам Христос не всех Своих учеников призывал к буквальному следованию за Ним, а некоторых даже отсылал домой (Лк 8:39). Были женщины, которые «служили Ему имением своим» (Лк 8:3), были Марфа, Мария и Лазарь и другие, кто не ходили вместе с Иисусом (Ин 12:1–3), были тайные ученики, наподобие Никодима (Ин 3:2).

В посланиях апостола Павла есть несколько мест, где он описывает христианскую жизнь в самых негероических терминах.

⁹ О братолюбии же нет нужды писать к вам; ибо вы сами научены Богом любить друг друга, ¹⁰ Ибо вы так и поступаете со всеми братьями по всей Македонии. Умоляем же вас, братья, более преуспевать ¹¹ И усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое [дело] и работать своими собственными руками, как мы заповедовали вам; ¹² Чтобы вы поступали благоприлично перед внешними и ни в чем не нуждались.

(1 Фес 4:9–12)

Во-первых, нормальная жизнь христианина вовсе не обязательно связана с церковным служением. В данном случае Павел скорее призывает к работе своими руками.

Во-вторых, нормальная жизнь христианина носит тихий характер.

В-третьих, нормальная жизнь христианина выражается в деятельной любви.

В описании Павла Церковь изображена большой патриархальной семьёй, живущей тихой, уютной жизнью.

Ещё один схожий текст.

¹ Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, ² за царей

и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте,³ ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу,⁴ который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины.

(1 Тим 2:1–4)

Нормальная жизнь христианина — тихая и безмятежная. Такова воля Бога, и об этом молится Церковь. Ситуации, где необходимо подвижничество и героизм — в случае гонений и преследования — носят вынужденный характер. Героизм в христианстве — не цель, а вынужденная мера.

Священное Писание начинается с образов Сада, образов мирной, гармоничной, созидательной жизни (Быт 1–2). Отступление от Бога помещает людей во враждебный мир, где им нужно бороться за жизнь, бороться против неправды как вне, так и внутри себя.

И заканчивается Библия образами Города и Сада, где нет зла, нет сражений, буквально нет места подвигу (Откр 21–22). Мирной, созидательной, негероической жизни Библия отдаёт преимущество перед героизмом и подвигом, потому что изначальный и конечный замысел Божий о жизни человека не включает в себя борьбу со злом.

Заключение

Героический пафос в христианской традиции формировался под воздействием как текстов Священного Писания, так и исторических обстоятельств. Мученики за веру становились естественными образцами для подражания. В то же время эллинистический аскетизм, романтизм и активизм Нового времени также внесли значительный вклад в канонизацию героического начала в христианстве.

Образы «негероического» христианства в виде хоббитов-садовников, не забывающих о своей землянике посреди самых суровых испытаний, у Толкина, и «глубоко посюсторонних» бюргеров, служащих Христу в самой обычной жизни, у Бонхёффера,

позволяют нам вновь увидеть тексты Библии, говорящие об обычной жизни христианина.

Зло и страдание ещё присутствуют в творении, поэтому подвижничество, борьба, преодоление в той или иной степени остаются неотъемлемой частью христианской жизни. Мы нуждаемся в примере героев, и сами можем ими оказаться, противостоя злу во имя Христа. Но, обозревая общий замысел Бога в библейском повествовании, мы видим, что Бог приготовил для нас мирную, спокойную, радостную созидательную жизнь. Таковой была жизнь первых людей при сотворении, таковую жизнь ведут искупленные народы в Новом Творении. О такой жизни призывает нас молиться апостол Павел. Страдания и скорбь, как и связанные с ними преодоление и героизм, есть отклонение от конечного замысла Бога, им не останется места в искупленном творении.

К сожалению, популярность героического обусловлена не только тем, что в жизни христиан много испытаний, но ещё и тем, что героизм потворствует тщеславию, любви людей к заметным, эффектным поступкам. Библия же призывает нас к осознанной недемонстративности христианской добродетели. Безусловно, за стремлением к обычной, спокойной жизни могут быть свои неверные мотивы: нежелание брать на себя ответственность за важные решения, малодушие и лень. Признавая это, стоит всё же отметить, что в популярной христианской духовности есть дисбаланс в пользу демонстративных проявлений. Героическое привлекает к себе внимание естественным образом. Именно поэтому нам необходимо намеренное внимание к «негероическому» измерению христианской жизни.

Трансляция ценностей и убеждений, представление о том, что считается достойной жизнью, происходит прежде всего через истории, рассказы. Представляется, что современной евангельской церкви в России необходимы истории, главными персонажами которых являются обычные люди, следующие за Христом в своей семейной жизни, воспитании детей, в сфере профессионального призвания. Нам необходимо переоткрыть для себя лютеровскую концепцию призвания, признавая, что

**Современной
евангельской церкви
в России необходимы
истории, героями которых
являются обычные люди,
следующие за Христом
в своей семейной жизни,
воспитании детей, в сфере
профессионального
призвания**

служение Богу включает в себя все сферы жизни, а не только специфически религиозные области.

«Негероический» взгляд на ученичество напоминает нам, что христианская духовность основывается на благодарности Богу за то, что Он совершил во Христе для нашего спасения. Господь ожидает от нас деятельного послушания, но Писание постоянно обращает наше внимание не на то, что мы можем сделать, а на то, что Бог уже совершил для нас (Лк 10:20, 1 Кор 3:6–7).

«Негероическое» христианство празднует творение Божье, соглашаясь с Ним, что оно «хорошо весьма». Создавая семьи, растя детей, получая удовольствие от хорошей еды, от общения с друзьями, наслаждаясь природой и отдыхом, мы признаём благость и красоту творения Божия и предвосхищаем ту радость, которая будет явлена в искупленном Богом мире.